

ЛУЧШИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
МИРОВОЕ
ПРИЗНАНИЕ!

■ КЕЙТ ЭЛЛИСОН

СЕКРЕТ БАБОЧКИ ■

ЭКМО

Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Э 47

Kate Ellison

THE BUTTERFLY CLUES

Copyright © Paper Lantern Lit, 2012

Оформление серии А. Саукова

Фото Кейт Эллисон на переплете
из личного архива автора

Эллисон К.

Э 47   Секрет бабочки / Кейт Эллисон ; [пер. с англ. В. А. Вебера]. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Лучший психологический детектив. Мировое признание!).

ISBN 978-5-699-63114-8

Люди считают Ло Марин странной. В самом деле, как еще можно назвать молодую особу, потерявшуюся в запутанном мире личных примет и мелких тайных ритуалов, сопровождающих каждый ее шаг? Девушку, избегающую контактов со сверстниками и предпочитающую оставаться дома, среди массы бесполезных предметов? И ситуации, в которые она попадает, тоже странные... Недавно Ло, проходя по улице в заброшенном районе Кливленда, чуть не попала под шальную пулю. А на следующий день из Интернета узнала, что там произошло убийство молодой женщины. Случайно в руки Ло попала вещь убитой — статуэтка прекрасной бабочки. И у девушки возникла навязчивая идея выяснить, почему погибла незнакомка. Она чувствует, как бабочка словно заставляет Ло раскрыть свои секреты...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Вебер В. А., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-699-63114-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Посвящается Поли

*Прости, что столько лет
носила твои бейсболки.*

ГЛАВА 1 ■

Я замечаю статуэтку краем глаза и застываю. Со мной так всегда происходит.

Тело немеет. Кровь гудит в ушах низким жужжанием далекого роя, и каждая клеточка моего тела кричит: спаси ее спаси ее спаси ее.

Я могу только одно — повиноваться.

Она стоит на дешевом алтаре на крыльце старого дома: мраморный ангел среди пластмассовых фигурок. Трех синих птиц, трех белок, трех енотов.

Их девять — идеальное число.

Холодный воздух вдруг становится густым и тяжелым, напоминающим пендлтонские одеяла¹, которые отец раньше привозил из деловых поездок. И воздух пахнет этими одеялами — приятный шерстяной запах.

Я смотрю в окно, пытаюсь найти признаки жизни в доме. С того места, где я стою, он выглядит чистеньким. Только мое лицо отражается в пыльном окне — огромные серо-зеленые глаза, гладкие

---

¹Пендлтонские одеяла (*англ.* Pendleton blankets) — знаменитые одеяла из шерстяной материи, которые изготавливаются на фабрике шерстяных тканей в Пендлтоне, штат Орегон, с 1909 г.

темные волосы, — искаженное покоробленным стеклом, незнакомое.

Я оглядываюсь, никого не вижу, тянусь к ангелу. Секунды до прикосновения быстрые и теплые, они вибрируют, как череда микроземлетрясений. Весь мир исчезает, замирает, когда я приближаюсь к статуэтке, и приближаюсь, и приближаюсь. Дюймы. Сантиметры. Миллиметры. Момент нашего соприкосновения замедленный, священный, грохочущий, единственный момент, когда все обретает смысл. Ангел у меня и в безопасности. Я бегу к той части неба, по которой солнце уже двинулось к горизонту, прямо в густую синеву, появившийся в кармане жилетки тяжелый предмет покачивается при каждом шаге.

Статуэтка моя. И я — ее. Мы принадлежим друг другу.

* * *

Миновав несколько домов, я замечаю, как что-то изменяется в темном окне: пятнистая занавеска выглядит так, будто ее только что подняли, а потом резко опустили.

Я сжимаю лежащую в кармане статуэтку. Меня кто-то видел?

Теперь я слышу шаги, и что-то меняется: словно воздух у меня за спиной вибрирует. Кто-то совсем рядом, наблюдает за мной. Я это чувствую.

Поворачиваясь лицом к шагам, сжав кулаки, но никого нет. Никто не преследует меня. Я слышу мысли ангела, лежащего в моем кармане: «Ты в безопасности, Ло».

Но от этой улицы, от этого района у меня по коже бегают мурашки. Странное тревожное чувство вползает в пальцы. Я даже не знаю, где нахожусь. После школы наугад перескакивала из автобуса в автобус в поисках новых мест.

По большей части я еду в другие пригороды, нахожу старшую школу, или магазин, торгующий бейсболками, или ресторан, который понравился бы моему брату. Обычно путь мой заканчивается в дешевой пиццерии: худые патлатые подростки торчат в каждой кабинке. Я заказываю колу, чаще всего, а потом просто сижу, слушаю, когда кто-то из них упомянет его имя: Орен.

Они его ни разу не упоминали. Пока.

В последнее время я на этом не останавливаюсь. Сев в городской автобус, выходила на третьей, девятой или двенадцатой остановке, потому что эти цифры означали, что я в безопасности. Есть цифры, с которыми связано только хорошее. Именно они приведут меня к нему, где бы он ни находился, туда, где все еще могли существовать какие-то его части, уж не знаю как.

И сегодня, сейчас я оказалась там, где хотела: в печальной, незнакомой мне части Кливленда, районе, в котором никогда не бывала.

Пустующая детская площадка расположена в самом центре квартала. Двое качелей на длинных металлических цепях. Они раскачиваются взад-вперед, чуть-чуть, словно кто-то недавно с них соскочил. Но до восьми вечера четверга остается совсем ничего, гулять слишком поздно и холодно. Грубые

морды лошадей, отлитые из бетона, смотрят на меня холодными, пустыми глазами.

Внезапно накатывает воспоминание: я на качелях, мой брат Орен стоит позади, раскачивает меня, толкает все выше, слишком высоко. Я смеюсь и кричу одновременно, во всю глотку, как кричат дети, потому что небо вдруг становится так близко; я никогда так не приближалась к небу.

Теперь, когда я смотрю на чуть раскачивающиеся качели, в горле возникает и растет комок.

Я сую руки в карманы и быстро перехожу дорогу. Направляюсь к автобусной остановке — знаю, она недалеко, по-другому и быть не может. Но, обогнув угол и выйдя на Лоррейн-стрит, я внезапно слышу завывание сирен. И оно приближается. У меня скручивает живот. Вероятно, кто-то видел, как я взяла мраморного ангела. Я ныряю в проулок рядом с уродливым желтым домом, заметив залитую бетоном лужайку перед ним и разрисованную маргаритками подъездную дорожку, пытаюсь раствориться в тенях. На другой стороне улицы стоит черный седан, двигатель хрипит и кашляет. В салоне кто-то сидит?

В стене надо мной окно, и меня охватывает почти неодолимое желание заглянуть в него. Тук тук тук тук тук тук тук: девять раз, дважды, правой рукой по правому бедру, левой — по левому.

Сирены продолжают завывать, теперь еще ближе.

И, стоя в темноте, я думаю, что слышу крик, за которым следует глухой удар. И я не знаю: а вдруг мне все это причудилось? С головой у меня иной раз плохо.

Левой рукой по правому бедру. Девять раз, прежде чем я позволяю себе посмотреть.

БАХ!

Громкий, оглушающий хаос: осколки стекла летят наружу, как вода из прорванной трубы. Тело само сжимается в комок. Я падаю на мостовую, обдирая колени, пряча голову между ног. Тяжелые вибрирующие удары сотрясают мое тело. Ощущения неприятные: словно кожа горит огнем.

Я поднимаю голову. В стене рядом со мной, в нескольких футах от меня, что-то вонзилось в стену, что-то такое, чего раньше там не было.

Я щурюсь. Приглядываясь.

Пуля.

* * *

Слово это простреливает мне голову. Пуля. Что означает — оружие. Что означает — блин, ох блин, ох срань господня, — я чуть не умерла.

Я отступаю вдоль стены дома, у меня сжимается горло, каждый вздох дается с трудом. Правая рука инстинктивно ныряет в карман жилетки, сжимает ангела. Левая рука кровоточит. Я даже не заметила. Прижимаю руку ко рту, пытаюсь зализать рану. Крошечный осколок стекла вылезает и режет язык. Я выплевываю стекло на мостовую. Кровь во рту, металлический привкус.

Мне надо убираться отсюда. Уходить, и побыстрее.

БАХ. Второй раз. Ноги выносят меня из засыпанного осколками стекла проулка и гонят по улицам. Я бегу, хватая ртом воздух, в панике. Темнота вокруг меня сгущается, на большинстве уличных фонарей лампы разбиты или перегорели. Я едва не

сталкиваюсь с бездомным; его серые глаза прикрыты веками, он покачивается, стонет и бормочет что-то несвязное, обращаясь ко мне, когда я проскакиваю мимо. Я не останавливаюсь, не оборачиваюсь, не притормаживаю. Должна бежать. Все еще слышу сирены, теперь далеко позади. Слезы текут по лицу, как я понимаю, мои.

Когда чувствую, что больше бежать не могу, я прычусь за мусорными баками, чтобы отдышаться. Их четыре. Еще два, и получилось бы шесть, это число лучше, более чистое. Четыре выглядит холодным, четыре выглядит неполным. Четыре не несет себе ничего хорошего. Воздух пахнет, как замороженная тухлая рыба. Порезанная рука пульсирует болью. Внезапно меня осеняет: стрелявший видел меня, заглядывающую в окно. А потом убегающую со всех ног...

И тут я слышу: шаркающие шаги, очень близко. Он здесь. Он пришел за мной.

Я девять раз постукиваю по мусорному баку левой ногой. Девять раз безопасно. Девять раз безопасно. А потом я должна постучать шесть: шесть раз безопасно. После двух девяток должна идти шестерка. Только так можно обеспечить максимальную безопасность. Я не знаю почему: так все устроено. С тех пор, как я, шестилетняя, точно знала, что в моем шкафу обитает монстр. Я сую раненую руку в левый карман куртки и сжимаю вещи, которые ношу с собой: две ручки «Микрон 005» и пять заколок-невидимок. В моем кеде медленно рассыпающийся листок бумаги, без которого я никогда не выхожу из дома. И теперь в моей руке ангел.

Шаги останавливаются за мусорными баками. Я не дышу. Он держит паузу, выманивая меня. Я представляю его себе: высокий одинокий шаркающий вооруженный мужчина.

Я подтягиваю ноги к груди, впиваюсь зубами в колено, чтобы не кричать. «Если кто-нибудь там есть и может услышать меня, пожалуйста, не дай мне здесь умереть».

Возможно, кто-то действительно меня слышит, потому что нет никакого высокого одинокого шаркающего вооруженного мужчины — только маленькая девочка в куртке с плеча великана. Волоча ноги, она проходит мимо, таща сетку репчатого лука. Я начинаю громко рыдать, сидя за мусорными ящиками. Я по-прежнему жива. И даже знать не знала, как мне хотелось жить.

Девочке не больше одиннадцати или двенадцати лет. У нее сверкающие карие глаза и длинные мягкие волосы. Заметив меня, она склоняет голову набок, вскидывает брови и спрашивает:

— Ты там живешь? — Она указывает на проулок за мусорными баками. — Не волнуйся. Я там бывала. Не плачь. Все образуется.

Она думает, что я бродяга.

— Нет, я... я там не сплю. Я пытаюсь вернуться в Лейквуд. — Слова едва удается выдавить. Меня все еще трясет.

Девочка ставит сетку с луком на мостовую, перекидывает волосы с одного плеча на другое.

— Тебя ограбили, мисс? — Она все еще оценивает меня сверкающими глазами.

Вопрос застаёт меня врасплох. Я просто трясу головой, пытаюсь вытереть лицо рукавом.

— Если нет, тогда почему ты плачешь? — спрашивает она излишне дерзко, переминаясь с ноги на ногу.

— Уже не плачу, — я проглатываю всхлип. — Ты... ты знаешь, как мне отсюда попасть домой?

Девочка меряет меня взглядом. На куртке у нее восемь пуговиц; от восьми мне становится не по себе, от восьми у меня по коже бегут мурашки. Два по четыре. Десять без двух. Непорядок. Грязь. В тот год, когда мне исполнилось восемь, я не позволила маме поставить восемь свечей на праздничный торт. От восьми свечей он стал бы несъедобным.

— Автобусная остановка в нескольких кварталах. На Восточной Сто семнадцатой, — наконец отвечает она. — Ты можешь пойти со мной. Мне по дороге.

Мы шагаем рядом несколько кварталов до автобусной остановки. Я то и дело оглядываюсь, ожидая, что кто-нибудь прыгнет на нас. Ожидая новых пуль, новых разбитых окон.

Девочка говорит мне, что помогает маме в ее кафе, вот почему она несет сетку с луком, только мама не настоящая, потому что она убежала из дома в девять лет. Я говорю ей, что меня удочерили и я никогда не встречалась со своими родными, но искала их долгие годы, везде, где только могла, в темных проулках и за мусорными баками. Я говорю ей, что буду искать их до конца жизни, если придется.

Не знаю, почему я вру, слова слетают с губ неконтролируемым потоком. И потом, как знать? Может, это правда. Может, где есть совершенно новая,

здоровая семья, которая меня ждет, ждет... Чтобы принять меня в свои объятия и все выправить. Может, там и мой другой старший брат, другой Орен — и тоже ждет.

Девочка желает мне удачи, и много, много раз ее благодарю. Я остаюсь ждать автобуса номер 96, наблюдая, как она уходит, тащит в одной руке сетку с репчатым луком.

Автобус подъезжает после нескольких долгих тревожных минут ожидания. Я трижды стучу рукой по бедру, прежде чем подняться в салон, и бормочу: «Ку-ку», — чтобы получить возможность войти в салон, зная, что все будет хорошо.

В третьем классе, когда мы шесть месяцев жили в Канкаки, штат Иллинойс, и наш дом бетонной коробкой торчал между рядов кукурузных стеблей, Шелби-Мишель Пакер заметила, что я стучу по ноге, прежде чем ответить на математический вопрос. Я не могла ответить, не отстучав нужное число раз (в тот день — шесть по каждой ноге, но правильный ответ все равно ко мне не пришел). Я чувствовала, как другие ученики смотрели на меня, когда Шелби объявила всему классу: «Ло, ты ку-ку».

Как только она произнесла последнее слово, ответ явился, словно только этого и ждал: четырнадцать уток. Я не помню вопрос, но «ку-ку» стало знаком; это слово все выправило.

Автобус почти пустой. Я наконец-то облегченно выдыхаю. Мое лицо трясется в автобусном окне: опухшие глаза, бледная, как у призрака, кожа. Я отворачиваюсь. Вновь посасываю темный порез на ладони, и подсохшая кровь переходит мне на губы. Сзади сидит женщина с торчащими во все стороны

светлыми волосами, держит на руках орущего малыша. Смотрит в окно, не пытается успокоить ребенка. Малыш орет, а я наблюдаю, как меняются улицы за окнами, мир маленьких темных домов и потрескавшегося асфальта уступает место упорядоченному миру обсаженных деревьями тупиков, и каменных особняков, и множеству горящих уличных фонарей. Я дергаю за шнур и выхожу из автобуса. Малыш продолжает орать в моей голове.

* * *

Дома темно. Тихий шепот телевизора доносится из комнаты родителей наверху. Папа еще на работе. Мама не встречает меня, и я от нее этого не жду. Я прохожу мимо спальни Орена, закрытой теперь навсегда, и прокрадываюсь наверх, в мою чердачную комнату, никем не потревоженная; оглядываю ее, раскинувшуюся передо мной, как широкое теплое поблескивающее озеро. Наверное, впервые за день вдыхаю полной грудью. Достая гладкую статуэтку ангела из кармана жилетки и прижимаю к щеке.

Пересекаю комнату, ставлю статуэтку в маленькую нишу рядом с другими идеальными гладкими блестящими фигурками — между другими мраморными мужчинами и женщинами и на безопасном расстоянии от каменных лошадей, и волков, и медведей.

Я напеваю себе под нос — какую мелодию, точно сказать не могу, — и наконец-то самочувствие мое улучшается. Никакой пули не было. Я прикидываюсь, будто вообразила и звук, и разбитое стекло. Но моя рука, по-прежнему в крови, пульсирует болью.

Я закрепляю темные волосы на макушке и захожу в ванную, чтобы почистить зубы и на несколько секунд увидеть себя в зеркале с потеками крови и грязи на лице. Потом я трижды умываю лицо. Наконец, втираю в кожу крем, который пахнет апельсинами, откидываю со лба грязную кудрявую челку и провожу пальцем по крошечному шраму над левым глазом. Не могу сказать, что хуже, шрам или челка. Я сдвигаю кудряшки влево, потом вправо, позволяю вновь упасть на лоб. Выгляжу как неухоженный пудель.

Вернувшись в комнату, я скидываю одежду, надеваю теплую, мягкую футболку, которая мне чуть ли не до колен. Это старая футболка Орена. Со вздохом падаю на кровать. Расслабленная. Чистая. Невредимая. Мой ангел напевает со мной, когда мы вместе проваливаемся в сон.

Но в моих снах — глубокие ямы, вырытые в земле, растущая островками трава, могила. Могила Орена. Похороны Орена. Люди, стоящие в ряд, с пустыми лицами; все молчат, за исключением мамы, которая рыдает, тогда как папа пытается ее удержать. Солнце уходит. Земля начинает расползаться у нас под ногами. Дождь. Дождь. Дождь. Я смотрю на крышку его гроба. Мраморный ангел сидит на крышке. Только теперь ангела нет, и это Орен. Зеленые глаза Орена смотрят на меня. Его высокое, стройное тело. Эта родинка по центру лба. Он сидит на своей могиле и посвистывает. Внезапно говорит: «Я потерял мою бейсболку «Тигров»¹, Ло. Помоги мне ее

---

¹«Детройтские тигры» (англ. Detroit Tigers) — профессиональная бейсбольная команда.